

ЗА РОДИНУ

№ 37 (437)

Пятница, 18 февраля 1944 г.

Цена 50 коп.

Русская ежедневная газета. Главный редактор Анатолий Стенос. Редакция во Пскове и Риге. Адрес: Рига, ул. Рихтера Вагнера 57. Из освобожденных областей следует писать в газету через Центральную русскую почту: Feldpost Nr. 39609 Ru (З. В. Р.) «За Родину». Деньги за подписку — 16 руб. в месяц (с доставкой по почте) и деньги за объявление (плата за стандартное объявление 30 руб.) переводить почтовым денежным переводом по адресу: Postscheckamt Riga, Konto 337 («Sa Rodinu»)

Советский тыл

А. Бестужев

Большевицкая пропаганда все время твердит о прочности советского тыла. Но самая настойчивость советских агитаторов в этом вызывает сомнения. Кого они хотят уверить в сплоченности партии и народа — себя или доверчивых союзников из английской палаты общин и Вашингтонского Белого Дома? Во всяком случае само советское население совершенно не верит большевицким пропагандистам.

Люди, недавно вырвавшиеся из-под сталинской власти, в один голос отрицают наличие советского патриотизма в тылу у большевиков. Не подъем, а глубокое разочарование и безнадежность царят среди населения, изнемогающего под сталинским сапогом. Правда, опутанные сетью шпионажа и провокации люди не могут организованно бороться с отпором, но тем сильнее сдерживаемая до поры до времени ненависть русских людей к своим угнетателям — большевикам.

Часто эта ненависть приобретает форму скрытого саботажа на производстве и в деревне. Люди всеми средствами стараются избавиться от мобилизаций на тяжелые работы. Советские заводы не выполняют установленного плана. Партийному начальству приходится все время прибегать к угрозам и террору, чтобы удержать народное хозяйство от полного развала. Советские газеты полны призывами к борьбе против трудового саботажа и симулянтов.

Превратив рабочих и крестьян в рабов, большевики только террором могут продолжать их эксплуатацию. Жестокая расправа грозит каждому, кто не потрафит партийным надсмотрщикам. Бесчисленные мобилизации на фронт не только мужики, но и женщины, оголили производство, подорвали сельское хозяйство. Безнадежность — вот чувство, которое охватило население в советском тылу.

Если в первый год войны большевики разжигали ненависть к немцам, распространяя клевету о немецких зверствах, то теперь эта ложь почти не действует, ей верят все меньше. Советские люди знают, ничего не может быть хуже большевицкого ярма. Страстное желание народа — это окончание войны любой ценой. Массы знают, что затяжка войны — это ненужная гибель новых миллионов русских людей. Пораженческие настроения укрепляются еще тем, что большевики, проводя эвакуацию миллионов, разбили семьи, оторвали мужей от жен, детей от родителей. Советские люди не только не знают о судьбе своих близких, попавших на фронт, но и о судьбе тех, кто был насильно эвакуирован по трудовой мобилизации.

Заявляя об единстве народа, большевики попрежнему пытаются противопоставить одни слои населения другим. Для этого они используют систему закрытых распределителей. Подкармливая партийных привхостней и небольшую часть инженеров и рабочих военных заводов, большевики обрекают остальное городское население на лютой голод. В деревне местные власти также живут за счет крестьян. Спекулируя на голоде, большевики пытаются найти опору в привилегированных слоях населения.

Система «разделяй и властвуй» — исконный метод большевизма. Играть на зависти, жадности и злорадстве, играть на копеечном честолюбии привилегированных слоев населения — все это до поры до времени удается кремлевским захватчикам. Ведь в этом и заключается сама суть «коммунистического корыта», беспринципного и глубоко антисоциального.

Но подлый расчет кремлевских дельцов не оправдывается. Слишком мало найдут они людей, согласных предать интересы народа за кусок хлеба и рюмку водки. Разлагающему влиянию большевизма трудовые массы противопоставляют единую волю, направленную против политики красного Кремля. Наш народ не вечно будет проливать кровь ради власти сталинской клики и барышей их англо-американских союзников.

Продвижение германских войск у Жашкова

Успешный воздушный налет на Анцио и Неттуно

Главная Ставка Фюрера, 16 февраля. Верховное Командование германских вооруженных сил сообщает: Юго-восточнее Кривога Гога германскими войсками в тяжелых боях отбиты многочисленные попытки противника прорвать линию германской обороны. Контрударами германских войск ликвидированы вклинения неприятеля. Западнее Черкас и восточнее Жашкова сломлено упорное сопротивление противника и отбиты его многочисленные контратаки. Германские войска, несмотря на размытые дождем дороги, продолжают свое наступление и снова продвинулись вперед. В северной части восточного фронта, южнее Старой Руссы между Ильменским и Чудским озерами и в районе Нарвы отражены сильные местные атаки противника. Германская армия провела здесь ряд успешных операций.

На итальянском фронте при обоюдной деятельности ударных и разведывательных отрядов день прошел сравнительно спокойно. Местные атаки противника отбиты. Древний монастырь близ Кассино, подвергнутый, как вчера сообщалось, бомбардировке со стороны авиации противника, совершенно разрушен и частью сгорел. Теперь его руины включены в оборонительную линию германского фронта.

Вчера вечером и в продолжении всей ночи германская штурмовая и бомбардировочная авиация успешно атаковала скопления судов противника в районе Анцио и Неттуно. Прямыми попаданиями бомб тяжело повреждены один эсминец и четыре торговых парохода, общим водоизмещением в 19.000 брт. Уничтожен целый ряд складов боеприпасов и горючего и вызваны сильные пожары в воинских лагерях противника.

Вечером 14 февраля авиация противника снова подвергла бомбардировке Рим. Прошедшей ночью соединения английских бомбардировщиков вновь произвели террористический налет на Берлин. Пользуясь туманной облачностью они сбросили в разных частях города большое количество фугасных и зажигательных бомб. Произведены разрушения в жилых кварталах города. Погибли некоторые памятники культуры, церкви и больницы. Среди гражданского населения имеются жертвы. Несмотря на тя-

желые условия, силами германской противовоздушной обороны, по неокончательным еще данным, сбито 48 самолетов противника.

Единичные самолеты противника сбросили бомбы на населенные пункты Рейнской и Вестфальской областей.

Гибель неприятельских судов

Берлин, 17 февраля.

Германской воздушной разведкой в районе южнее Неттуно обнаружен целый ряд оббитых пламенем судов противника, в том числе один военный корабль и два крупных торговых парохода. Это является новым доказательством того, что германские батареи чрезвычайно успешно обстреливают порт Неттуно и находящиеся в нем суда.

Кольцо сжимается

Токио, 16 февраля.

Седьмая английская дивизия, окруженная японскими войсками у индийской границы, насчитывает до десяти тысяч человек, много танков и автомашин. Снабжение окруженной дивизии с большим трудом ведется по воздуху. Войска начинают голодать. Японцы постепенно все теснее сжимают кольцо своего окружения.

255 во воздушных побед

Берлин, 17 февраля.

Капитан германской авиации Гергард Баркгорн за один день сбил пять неприятельских самолетов и достиг своей 255-ой воздушной победы.

24-летний воздушный герой сбил двадцать штурмовых самолетов, двадцать одномоторных бомбардировщиков 210 истребителей, сорок из которых были англо-американского типа.

Война у Полярного круга

Задачи финского фронта

В сводках германского командования редко упоминается самый северный участок восточного фронта — Финляндия. Сводки финской армии обычно ограничиваются указанием, что положение на фронте без перемен. Если же на фронте что-либо и происходило, то операции носили лишь чисто местный характер. Таким образом, после конца наступления 1941 года на всем северном участке фронта воцарилось оперативное спокойствие.

В особенности это касается сухопутного фронта, проходящего по трем перешейкам между Кронштадтским заливом, Ладожским и Онежским озерами. Но такое же положение царит и на самых северных участках, расположенных за Полярным кругом и доходящих до Рыбачьего полуострова. Линия фронта установи-

лась там, где она образовалась в 1941 году. Лишь на участке Лоухи германские горные стрелки прошлой осенью приступом захватили советскую горную позицию и удержали ее, несмотря на сильные советские контратаки и таким образом не только значительно улучшили свои линии, но заставили противника отправить на север войсковые части, предназначенные для более южных участков.

Несмотря на кажущееся спокойствие, на финляндском фронте постоянно ведутся работы по улучшению позиций и путей сообщения, а в особенности размещению войск, весьма затрудненного на этих негостеприимных широтах. Силы сопротивления и огневая мощь германско-финских позиций равномерно усиливается. Таким образом, на самом северо-востоке европейского фронта так же, как и на других

местах, постоянно укрепляется заградительный вал, — обстоятельство весьма важное для общеевропейского военного положения.

Более оживленный характер имели операции на море и в воздухе. Центры тяжести этих операций распределились между Мурманском и Ленинградом. На фронте морского окружения Ленинграда полностью удалось воспрепятствовать всем попыткам советского надводного или подводного флота прорваться в Балтийское море. «Краснознаменный» балтийский флот еще осенью 1941 года был заперт в Кронштадтской бухте, откуда, несмотря на свое численное превосходство, вырваться больше не имел возможности. Германские береговые батареи, установленные на финских берегах, а также авиация, неустанно громили остатки этого флота, нанося кораблям ряд новых повреждений, препятствуя ремонтным и строительным работам.

Нападения на германско-финские заградительные суда или попытки минировать Финский залив с воздуха успеха не имели.

Во время этих операций было сбито множество советских самолетов. В воздушных боях отличились финские истребители, при небольших собственных потерях сбившие за последний год несколько сот советских самолетов.

В водах Северного Ледовитого океана и около Мурманска, после катастрофы, постигших советский транспорт в 1941—42 годах, большевики переместили центр своего снабжения за Архангельск и вместо крупных караванов судов пытались прорвать блокаду отдельными пароходами. Германский военноморской флот нанес ряд тяжелых ударов советскому снабжению в Архангельске, ведущемуся с Атлантического океана, а в короткие месяцы полярного лета также и по Северному сибирскому морскому пути.

С другой стороны, немцы продолжали пытаться оказывать содействие

доспевшие германские пехотные части бросились в контратаку и совершенно разгромили остатки советского десанта. Стокгольм, 16 февраля. Из Мельбурна сообщают, что в Австралии, вспыхнули новые степные пожары. Сгорело до тла несколько поселков. Погибли сотни голов рогатого скота и тысячи овец. Огнем уничтожены крупные пастбища. Обезумевшие от страха звери мечутся по окрестным районам, наводя ужас на жителей.

Оценивая достижения немецких войск на дальнем Севере, нельзя не упомянуть об огромных трудностях, которые встречают солдаты во время своего продолжительного пребывания в этих негостеприимных, лишенных растительности областях, при сильных холодах и других капризах северной природы. До начала войны никто не считал, что воевать в этих широтах вообще возможно. Германский

солдат и отважные финны доказали, что для них даже за Полярным кругом не было ничего невозможного.

Войскам, сражающимся на дальнем Севере, большую помощь оказывают собаки, часто несущие службу связи, сторожевую и санитарную. На снимке — командир отряда финских пограничников со своим верным другом.

Неудавшийся советский десант

Берлин, 17 февраля.

Одно советское соединение, воспользовавшись ночной темнотой, высадилось на немецкий берег в Нарвском заливе. Расположенная вблизи батареи германской береговой артиллерии обстреляла десантный отряд и потопила четыре дозорных и три десантных судна. Артиллерийским огнем подожжен небольшой грузовой пароход и повреждено несколько других судов. Высадившиеся части противника несколько раз тщетно пытались атаковать батарею, однако, были отбиты и понесли тяжелые потери. По-

Солдаты, сражающиеся за Полярным кругом, большие мастера разводить огонь. На снимке — пограничники греются у костра, сложенного по индейскому образцу из двух бревен. На втором плане — северный огонь — обычное средство транспорта на этих широтах.

Сильные беспорядки в Марокко

Женева, 17 февраля.

Во французском Марокко, оккупированном англо-американцами, не прекращаются беспорядки. В начале этого месяца, в городе Рабате, произошли столкновения между полицией и населением, в результате которых было убито несколько человек. С тех пор беспорядки усилились. Англо-американцы пытались навести порядок с помощью негритянских войск. Это, однако, вызвало восстание марокканских солдат, примкнувших к населению. Число убитых велико.

Беспорядки, кроме того, произошли и в других городах, причем марокканские солдаты бунтовали и там. Властям с большим трудом, после серьезной перестрелки, удалось подавить бунт. По приговору военно-полевого суда расстреляно шестьдесят марокканцев. Остальным бунтовщикам удалось бежать в горы.

В Фесе расстреляно двадцать мусульман. В том же городе синегальские негры, по приказу властей, пулеметным огнем очистили туземные районы города.

Абиссинские оккупанты

Рим, 16 февраля.

Согласно сведениям, поступившим с фронта, англо-американцы среди оккупационных войск разместили в южной Италии также и абиссинские части.

Интересно, как будет реагировать на это бывший итальянский король и император абиссинский Виктор Эммануил. Вероятно, отвесит своим новым господам глубокий поклон.

Производство сахара во время войны

В настоящее время продажа сахара не подлежит никаким ограничениям только в некоторых странах. Большинство же правительств было вынуждено ввести более или менее серьезные ограничительные меры. При этом всего лишь несколько лет тому назад сахар поступал на рынок в таком изобилии, что многие правительства сокращали производство его в целях сохранения уровня цен. В связи с войной, не только сократилось производство сахара, но были нарушены и обычные торговые отношения между странами-производительницами и странами-потребительницами. Особенно сильно пострадали Англия и США, считавшиеся с возможностью поддерживать равномерный подвоз из производящих сахар областей. С точки зрения статистики, расчет их казался правильным, так как из всей мировой продукции на их долю приходилось около 80%, а на государство Пакта Трех всего лишь 14,3%. Однако, в результате военных событий, это соотношение заметно изменилось. В настоящее время Гер-

мания господствует над всем континентом Европы, а Япония овладела Голландской Индией и Филиппинами. Таким образом, теперь уже 44% мировой продукции сахара контролируются Германией и Японией.

В настоящий момент в европейском и азиатском хозяйственном пространстве проблема сахарного производства не является особо сложной. Нельзя сказать, что запасы сахара были неограниченными, однако, о перебоях в снабжении говорить не приходится. Отвечая вопросу Германией, большинство европейских правительств начало уделять особое внимание расширению сахарной промышленности. С помощью премий и более высоких цен был создан стимул для дальнейшего поднятия производства. Если в Европе спрос на сахар покрывается равномерно, то Япония была вынуждена ввести даже ограничительные меры для производства сахара в Голландской Индии и Филиппинах, потерявших свои прежние рынки сбыта.

Англия, США и СССР попали в

очень неприятное положение. В результате военных потерь, Советский Союз оказался вынужденным значительно усилить импорт сахара. Англия и США способны удовлетворить собственной продукцией только часть своего спроса. В настоящее время в Англии на человека приходится всего лишь 11,8 кг. сахара вместо обычных 50 кг., а в США — 10 кг. вместо 43,6. В будущем рассчитывать на улучшение положения в обоих этих государствах не приходится, так как пути обеспечения Америки отнюдь не являются достаточным основанием, чтобы заставить ее поставщиков расширить свою продукцию. На складах острова Кубы сложены миллионы тонн сахара, для отправки которых не хватает необходимого тоннажа. При всем том Вашингтон настаивает на поднятии продукции в будущем с 3 милл. тонн хотя бы до 4,5 или 5 милл. тонн. Однако, правительство Кубы не может решиться на это, опасаясь, что ему придется остаться с еще большим количеством непроданных запасов.

Морской бой

Ниче мы помещаем очерк германского военного корреспондента, участника боя, о первом столкновении германских военных судов небольшого тоннажа с английскими крейсерами.

Германские морские истребители, в сопровождении соединения торпедных лодок направлялись на запад в Бискайский залив. Холод был зверский. Несколько часов, в непроглядной тьме, продвигались они к западу, борясь со стихией. День начинался молочно-серым рассветом на востоке. Едва расселись предрассветные сумерки, как наблюдательные посты донесли о приближении английских разведывательных самолетов.

После полудня, когда наш верный спутник — разведочный самолет, делая красивые повороты, кружил над нашим истребителем, пришло донесение, сообщавшее о приближении двух групп английских крейсеров. Пока английские крейсера приближались к нам с северо-востока, уже доносили о приближении другого неприятельского соединения — с юга.

Спокойно и уверенно раздались приказания командира флотилии, одного из прославленных германских командиров, участника боев под Нарвиком. Через несколько минут все было приведено в боевую готовность.

Первая группа неприятельских кораблей, состоявшая из нового большого крейсера «Глазго», водоизмещением в 10.000 тонн, и другого, более старого крейсера «Энтреприз» такого же тоннажа, показала поворот. Повидимому, план неприятеля заключался в том, чтобы перерезать нашему соединению путь на восток, и столкнуться со вторым, поддержавшим нас, крейсерским соединением. Все ближе подходили наши истребители к неприятельским судам, но обращая внимание на разрывавшиеся у бортов снаряды. Но нам нужно было еще ближе подойти к неприятелю, который хотел сечь дальноточной артиллерией удержав нас на далекой дистанции. Наши крейсера уже

в зоне достижения неприятельских выстрелов. Истребители открывают сильный, уничтожающий огонь. Выпускаются первые торпеды. Хоти неприятель поддвигается позы ходом вперед, мы отмечаем попадания. Бой разгорается все сильнее и сильнее. Осколки осыпают экипаж, который с железной стойкостью продолжает стоять у орудий, торпедных дул и снарядов и шлет свои «поларки» неприятелю. Командир флотилии делит соединение на две части, чтобы с двух сторон напасть на неприятеля.

Когда же, находясь на южной стороне группа обстрелила с близкого расстояния крейсера неприятеля, тот повернул назад. Теперь снова крейсера нападают на северную группу. Командир флотилии, опытный боец, выпускает в бой, вооруженные артиллерией и торпедными аппаратами суда.

Выступление Тойо и Сигимицу

Выступления японских министров всегда носят совершенно иной характер по сравнению с речами английских или американских политиков. В то время, как англичане говорят много и часто — выступление японского министра является чем-то исключительным, выходящим за рамки повседневности. Поэтому в речах японских вождей никогда не бывает ничего случайного.

В течение последних недель Япония слушала выступления премьер-министра Тойо и министра иностранных дел Сигимицу. В своей речи премьер-министр заявил, что продовольственное положение Японии окончательно обеспечено и не зависит от того, сколько времени будет продолжаться война. Тойо коснулся в своей речи вопроса о тоннаже, о снабжении дале-

Наблюдается попадание за попаданием. Вдур над «Глазго» показывается сильный дым: крейсер горит. Далее наблюдать за попаданиями становится невозможным из-за ухудшившейся погоды. На немецкой стороне тоже есть потери. В продолжении этого артиллерийского поединка на близком расстоянии, два германских истребителя и две торпедные лодки получили тяжелые повреждения. Они до последней минуты отстреливались и затонули с развевающимися флагами.

В этом бою германские истребители удалось сбить четырехмоторный гидролон «Галифакс» и один «Зундерланд».

С наступлением темноты бой затих. Одновременно, немецкие подводные лодки атаковали в другом месте соединение истребителей, из которых пять затонули.

Долг платежом красен

Во время японо-монгольского конфликта у реки Халхин-Гол Сталин, как известно, бросил войска Красной армии на помощь монгольским «цирикам» (солдатам) и... не забыл об этом. Сейчас, когда резервы Сталина подходят к концу, и он, в результате своих «грандиозных побед», вынужден призывать в ряды РККА девушек и одиннадцатилетних детей, — сейчас он вспоминает об облагодетельствованных им монголах. Вспомнил и великодушно решил дать им возможность отблагодарить себя за давнишнее одолжение.

14 января в Москву (очевидно, огню не по доброй воле) прибыл премьер-министр Монгольской Народной республики маршал Чойбалсан. Маршалу Чойбалсану была устроена почетная встреча, а затем была предложена совсем не почетная роль поставщика «лучшего мяса». Чойбалсан попробовал было «почувствовать», доказывая, что монгольский народ вовсе не намерен вступить в эту войну, однако, в числе встречавших маршала не случайно находился Заместитель Народного Комиссариата Внутренних дел СССР генерал-полковник А. Н. Апполонов. Апполонов посетовал на маршала многозначительно и Чойбалсан перестал «чувствовать»...

Ничего не поделаешь: «Долг платежом красен».

Геродотов.

„Кровожадный пастырь“

Женева, 16 февраля.

Настоятель одной английской церкви в городе Лейчестере, на проповеди, произнесенной во время богослужения, заявил:

«Я ежедневно с напряжением ожидаю момента, когда нам сообщат, что Берлин или другой какой-либо немецкий город разрушается нашими бомбами. Каждый раз я при этом испытываю чувство сожаления, что мы не можем стереть с лица земли всю Германию».

Как видно, кровожадность англичан, даже служителей церкви, не имеет предела.

Со всего света

Женева. — В Англии наблюдается рост антисемитизма. На стенах домов появляются антисемитские надписи, вроде «Иудейская война» или же «Иуды — виновники этой войны».

Стокгольм. — Английское адмиралтейство издало официальное сообщение о гибели еще одной английской подводной лодки.

Иstanbul. — На южно-турецкой границе не прекращается контрабанда. Только за два последних месяца раскрыто 100 случаев крупных нарушений таможенных правил. В десяти случаях возникла перестрелка контрабандистов с пограничной стражей. Арестовано 397 контрабандистов, конфисковано много контрабандных товаров, в том числе медикаменты, ценностью свыше полу-миллиона марок.

Иstanbul. — Известный немецкий пианист профессор Гизекинг, совершающий турне по Турции, дал в Истанбуле концерт. Сбор с этого концерта пойдет в пользу пострадавших от землетрясения.

Токио. — В столицу Японии на самолете прибыл первый посланник независимого Филиппинского государства Йорге Варгас.

Иван Солоневич

Россия в концлагере

(Продолжение 68-ое)

Пятый лагунек я посетил всего четыре раза, но с Васильчуком у нас сразу же установились отношения не очень интимные, но, во всяком случае, дружественные. Во первый, Васильчуку и его помощнику — бухгалтеру здесь была толька смертная и, во-вторых, моя физкультурная деятельность была встречена в пятом лагунке с такими же симпатиями и упованиями, с какими она встречалась на заводах, в бузах и во многих других местах....

НЕМНОГО О ФИЗКУЛЬТУРЕ

В России есть целый ряд положительных явлений, которые власть засчитывает в список своих «достижений». Сюда войдет и укрепление семьи, и более здоровая сексуальная жизнь молодежи, и парашютизм, и тяга к учебе, и многое другое — в том числе и физкультура. Эмигрантская печать напрасно берет этот термин в иронические кавычки. Это — нужный термин. Он захватывает все то, доступное индивидуальным усилиям, что служит человеческому здоровью. Это будет гимнастика в том смысле, в каком Платон противопоставлял ее медицине. Интерес к физкультуре существует огромный, в старой России — невиданный... Но этот интерес — как семья, и парашютизм, и многое другое — возник не в результате усиленной власти, а как реакция на причне ее достижения. Рабочие, надорванные непосильным трудом, студенты измученные туберкулезом, служащие, омуемые от вечных перебросок перестроек, все это — недооделанные, истрепанные, охваченные тем, что, по официальному термину, зовется «советской энтомологией», с жадностью — свершено естественной в их положении — тянется ко всему, что может поддержать их растрачиваемые силы.

Я хотел бы привести один пример, который, как мне кажется, может внести некоторую ясность в «диалектику» советских достижений.

В декабре 1928 года я обследовал лыжные станции Москвы. Обследовав выяснил такие факты: рядовые рабочие и служащие по своим выходным дням в часть семь-восемь утра приезжают на лыжные станции и становятся в очередь за лыжами. Стоят и два, и три, и четыре часа — и тогда получают лыжи — иногда не получают. Лыж не хватает потому, что власть на их же, этих рабочих и служащих, деньги (проблема этого) строит предназначенные для втирания очков стадионы и не строит предназначенных для массы лыжных станций и фабрик... Так она не строит их и до сих пор. Но каждому иностранцу власть может показать великолепный стадион «Динамо» и сказать — вот наши достижения. Стадион «Динамо» обошелся около 12 миллионов в рублей — и это при условии использования почти бесплатного труда заключенных, а лыжных станций под Москвой — путных, хотя и маленьких — только две: одна военного ведомства, другая союза служащих, построенная мною в результате жестокой борьбы и очень существенного риска... Стадион занял публичкой раза три в год, а остальные 360 дней — пуст абсолютно; лыжные станции работают ежедневно — и с работой справиться не могут. Гимнастического зала в Москве нет почти ни одного.

Живая потребность масс в физкультуре выжившая не усилиями власти, а «ловкими» жизни, — остается удовлетворенной по моим подсчетам примерно на 10-12 проц. Но перед самым арестом я все еще пытался воевать — правда, уже очень решительно — против проекта постройки в Измайловском зеврине гигантского «физикультурного комбината» с колоссального типа стадиона, рассчитанного на 360.000 (!) сидячих мест, стоимостью в 60 миллионов рублей, при использовании того же труда заключенных. Кажется, что этот комбинат все-таки начали строить.

Если вы вместо физкультуры возьмете тягу к учебе — то вы увидите, как оба эти

явления рождаются и развиваются по, так сказать, строго параллельным линиям. Тяга к учебе рождалась, как реакция против данных — советских — условий жизни, она охватывает десятки миллионов, и она остается неудовлетворенной: школ нет, учебников нет, программы нет, преподавателей нет. Даже и те школы, которые числятся не только на бумаге (бумажных школ — очень много), отнимают у молодежи чудовищное количество времени и сил и не дают почти ничего, — результаты этого обучения видны по тем выдержкам из «Правды», которые время от времени приводятся на страницах эмигрантских газет. Школьные здания — даже в Москве — заняты в три смены, и уже в середине второй смены в классах решительно нечем дышать, и ребята уже не соображают ничего. Но стадионы строятся, а школы — нет. Строятся канцелярии, интуитивские гостиницы, дома советов и соловов — но даже в Москве за семь лет моего там пребывания было построено не то 4, не то 5 новых школьных зданий. И уже под Москвой — хотя бы в той же самой Салтыковке с ее 10-12 тысячами жителей и с двумя школами — власть не в состоянии даже поддерживать существующих школьных зданий... Обьяснить все это глупостью советского режима было бы наивно. Советский режим — что бы там не говорили — организован не для нужд страны, а для мировой революции. Нужды страны ему, по существу, безразличны. Я не представляю себе, чтобы с какой бы то ни было другой точки зрения можно было логически объяснить и историю с лыжными станциями, и историю со школами, и эпопею с коллективизацией, и трагедию с лагерями. Но если вы станете именно на эту точку зрения, то весь советский быт — и в мелочах, и в «гигантах» — получит логическое и исчерпывающее объяснение... Оно может нравиться и не нравиться. Но, я думаю, оно — не найти...

Пятый лагунек в силу своеобразного сцепления обстоятельств несколько изолированный от действия всеобщего кабака, — был сит. И когда месяцем позже я пришел сюда уже не для вываливания футболистов, а для организации физкультуры, подурательская масса «лагерного населения» в течение одного выходного дня построила гимнастический городок и выровняла три площадки для волейбола. В карельских условиях это была весьма существенная работа — приходилось вырывать камни по пятьдесят тонн весом таскать носками песок для засыпки образовавшихся ям. Но эта работа была сделана быстро и дружно. Когда я стал проводить занятия по легкой атлетике, то выяснилось, что из людей пытавшихся толкнуть ядро, шесть человек — без всякой тренировки и, уж конечно, без всякого стиля — толкнули его за 11 метров. Какой-то крестьянин средних лет, в сапогах и арестантском плаще, тоже без тренировки и тоже без стиля, прыгнул в длину 5,70; он же толкнул ядро на 11,80. Это и есть та черномезная сила, которая русским дореволюционным спортом не была затронута совершенно, но которая, при некоторой тренировке, могла бы ставить один мировой рекорд за другим. Я не могу об этом говорить с цифрами в руках, как могу говорить о рекордах, но я совершенно уверен в том, что в этом «черномозге» — не только физическая сила. Отсюда шли Мамонтовы, Морозовы, Рябушкины и Репины. Если сейчас физическая сила подорвана зверски, то интеллектуальная сила этого «черномозга», закалена полуторжеством чудовищного напряжения и опыта, планами и разочарованиями, советской агитацией и советской реальностью, построила такую будущую Россию, о которой нам сейчас трудно и мечтать... Но это — в том случае, если физических сил хватит

— Что, в секрете лежите?
 — В секрете. Бегунов ловим. Махорочки у вас разнытисать нельзя? Посидим, покурим. Стелка, катать сюда!
 Из-под того же куста вылез еще один вохровец — мне незнакомый. Села, закурился.
 — Много вы этих бегунов ловите? — спросил я.
 — Чтоб очень много, так нет. А — ловим. Да тут, главное дело, не в ловле. Нам бы со Стенкой тут до конца лета доблаться, а потом — айда, в Туркестан, в теплые края.
 — Выпускают?
 — Не, какое там! Сами по себе. Вот сидим, значить, и смотрим, как где какие секреты устроены. Да тут, главное дело, только по дороге или около дороги и пройти можно: как сажен сто в сторону — так никакая сила болота. А где нет болота — там вот секреты, вроде нас: под кустиком — яма, а в яме вохра сидит, все видит, а ей не видно...
 Слышать о таких секретах было очень неуютно. Я пораспросил урку об их растение, но урка и сам немного знал, а я и секретны вокруг пятого лагункета меня не очень интересовали.

А воображение уже стало рисовать: вот идем мы так с Юрой, и из под какого то кустика: «а ну, стой» — и тогда гибель... Весенние крашки полбелки, и мир снова стал казаться безвыходно, безвыходно советским...

«СЕКРЕТ»

Из пятого лагункета я возвращался в Медгору пешком. Стояло очаровательное весеннее утро — такое утро, что не хотелось думать ни о революции, ни о побеге. По обочинам дороги весело болтали весенние ручейки, угрюмость таежного болота скрапывалась беззаботной болтовней птичьего населения и буйной яркостью весенних цветов. Я шел и думал о самых веселых вещах — и мои думы были прерваны чьим-то возгласом:
 — Галэ, тов, Солоневич, не узнаете?
 Узнавать было некогда. Голос исходил откуда-то из-под кустов. Там была густая тень, и мне с моей озабоченной солнцем позиции не было видно ничего. Потом из кустов выполз какой-то вохровец с винтовкой в руке и с лицом, закрытым «знакомарником» — густой толстой сеткой от комаров:
 — Не узнаете? — повторил вохровец.
 — Вы бы еще мешок на голову накрутили — совсем легко было бы узнать...
 Вохровец снял свой знакомарник и я узнал одного из урук, в свое время оклачивавшихся в третьем лагункете.
 — Как это вы в вохра попали? «Перекопались»?
 — Перекопался в чортовой матери, — сказал урка. — Не житье, а мазенца. Лежишь этак целый день животом вверх, пташки всякие бегают...

СЛЕТ УДАРНИКОВ

Я пришел в Медгору светлым весенним вечером. Юра в барак не было. На душе было очень тоскливо. Я решил пойти послушать «всезагерный слет лучших ударников ББК», который подготавливался уже давно, а сегодня вечером открывался в огромном деревянном здании ББК-овского клуба. Пошел.
 Конечно, переполненный зал. Конечно, доклад начальникова производственной части Вержбицкого: «Как мы растем». Как растут совхозы ББК, добыча леса, гранита, шунгита, апатитов, как растет стройка туломской электростанции, сорочского порта, стратегических шоссе к границе. Что у нас будет по плану через год, что через три года. «К концу второй пятилетки мы будем иметь такие-то и такие-то достижения... В начале третьей пятилетки мы будем иметь».

(Продолжение следует)

Выдать головой

«Выдать головой» — это значит теперь продать, хотя бы и нечаянно, чужую тайну, проговориться и тем подвести человека, навлекая на него беду или поставив в неловкое положение. «Выдают головой» и своих школьных товарищей, проболтавшись о какой-нибудь их тайной шалости, секретной проделке. В старину же «выдача головой» имела куда более жуткий смысл, более мрачное значение.

В самом начале великого княжения Ярослава Мудрого поселился в Чернигове один купец. Пришел он с той далекой лесной стороны, где тянулись непроходимые Муромские чащи, где с русскими поселенцами сталкивалась и враждовала дикая Черемиса и Мордва. Потому-то, у нового черниговского купца лицо было не обычное: более темное и скуластое, а широкий нос словно приплюснут. «Залешанином» прозвали его в насмешку черниговцы, а другие — то, что вместо «о» чаще «а» выговаривал, «крестил

то рабы-холопы сбегут целой ватагой, то грузные лады у порогов с дорогим товаром ко дну пойдут. Завел было он по Днепру торговые дела с греками, но и тут не улыбнулось ему счастье. Только славянским именем еще и держался: черниговские купцы в долг верили и деньгами почти скупали. Но пройдет лето, наступит срок уплаты, а у него теперь и лишей гривны нет.

И широким, медленным шагом ходит купец по спальне своей в глубокой задумчивости. Редкие солнечные лучи, прокрадываясь сквозь узкое оконце, бегут свещами по его сдвинутые брови, наморщенный лоб и шепчущие губы. «Челяди десят болгар» — слышится злобный шепот — челядь нужна и грекам. А где ее взять, и за добрую цену? Десять гривен за челядина дают. И двадцать теперь дадите, да нет челяди. Видно, забыли иноземные купцы, гости заморские, что Владимир Мономах уселся ныне на великокняжеском столе в Киеве. И не только половцы от него в

кал бы по миру гостей богатых, именитых купцов. И какой толк, что водный путь от половцев очищен? Ведь пустые яльби купцы по Днепру спускать не будут. Видно ему челяди не хватает, так он не хочет разорить».

— Добрыня, ты! — радостно вскрикнул купец, заметив лишь теперь вошедшего. — Ну, что, достал, привез?

И грузно опустился на лавку, услышав от своего приказчика, что нет холопов и негде достать их. Придется грузить лады вместо челяди мехами да шкурами. — Ладно же, — решительно сказал купец, резко поднявшись с лавки. — Улалим и это дело, Добрыня. — И, навалившись на приказчика, быстро начал он шептать ему что-то на ухо. Но если бы заглянул Залешанин в глаза своему доверенному, увидел бы он в них злобную радость и — передал бы ему своего тайного замысла.

Осенью возвращался с царьградского торгового каравана черниговских купцов. Быстро двигались по речной глади многочисленные лады, подгоняемые легким попутным ветром. Десятки белых парусов скользили по широкому Днепру, нарушая людским говороком и веселым скрипом вечернюю тишину. Впереди неуклюжих грузовых «однодеревок» шли проворные легкие лодки — княжеских дружинников, охранявших торговый караван. Жутко блещит их оружие, грозно раздается порой стук железного щита. Богато вооружены и сами купцы, возишие на царьградский рынок свои и княжеские товары. Богато выглядят купеческие лады: борты их красными, зелеными и синими золотом раскрашены, корма вся резьбой покрыта, словно узорам, а паруса разноцветные.

Встречное течение заметно усилилось, ветер же начал все больше спадать. Наконец, паруса беспомощно повисли, но еще усердно заработали рабы своими веслами. Прибавилось и рудомоем: все чаще из воды стали выскакивать каменные глыбы и, словно предупреждая о близости порога, все бурнее становилась река. Далеко растянулся гуськом караван. Вот с голых лодок гулко несет ряд приказаний и сзади посыпались, все улаясь, ответные возгласы. Сначала повернула к берегу вооруженная охрана, а за ней стали вскакивать в прибрежный песок и тяжелые неповоротливые «однодеревки».

Весь отлогий берег скоро освещен был множеством костров. Сутились люди, варили и жарили, ели и пили. Около догоравших огня и спать улеглись. Яркие костры пылали лишь у сторожевых караулов, да у купеческого темно-зеленого шатра раскинувшегося посреди стоянки. Тизина в покое. Только в самом хвосте каравана, где стояли лады Залешанина, не спали люди. Здесь выгружали на берег греческие товары, которые завтра вместе с лодками в жидкую кучу нести в обход шумного порога. Другие купцы выгрузку отложили: мало ли что за ночь может случиться? Нападут внезапно дикие половцы и тогда стоит лодки только оттолкнуть: ведь на реке у степняков руки коротки. Затихла, наконец, работа в Залешанина. Улеглись и здесь на покое. Только сам купец не к шатру направился, а к лесистому пригорку. Оглядываясь зорко по сто

его «порогам»: раскрывает рот настежь. А купец все больше отмахивался и своим делом занимался. Каждую весну грузил он свои лады не мехами да гротами и кожей, но сладким медом и воском, а живым товаром, челядью, выгодно сбывая рабов на шумных воложских базарах в болгар. Реками, озерами и протоками, а где надо, и «ведлоком», пробираясь он к широким многоводной Волге со своими рабами и рабынями. И кого только у него не было? Дикие печенёги, которых сменяли так же дикие степняки — половцы, иногда белокуроые лады, порой свирепые угры, но всегда и всех больше было своих же оусичей.

Чужестранных пленников давали удачные войны русских князей с югом и западом, а тяжкие княжеские усобицы десятками тысяч обращали в рабство русских жителей. Вырвется с дружиной своей какой-нибудь князь в соседнее княжество своего соперника-родича, начнет жечь его села, истреблять его хлеб, забирать скот и людей.

В рабство попадали, однако, не только пленники: рабом, или, как говорили тогда, «сиротой», «челядином» становился и тот, кто своего долга в срок не выплатил, кто пытался без расплаты бежать от своего земнодавца (князя, купца ли боярина), кто судебного штрафа не осилил, его члплатить не мог. И все эти люди одинаково либо прощались с родной землей, увозились на далекие восточные или греческие рынки либо оставались жить на княжеских боярских или купеческих землях, как вечные подневольные работники.

Удачно торговал с болгарскими русскою челядью юмордовский выходец. Легко проходил он свои караваны сквозь Черемису и Мордву, знал он повадки и обычаи финнов-язычников, умел дружить и свободно разговаривать с этими обитателями дремучих лесов, мхов болот. И мало-помалу перестали черниговцы богато удачливого купца «порогатым» звать, осталось за ним только имя Залешанина. А после смерти много богатства, всякого добра составил он сыну, да не оставил только своей удачи торговой, счастья купеческого. За члп ни возьмется сын — все убытком кончит: то пожар-расчеты перепутает, то долги пропустит,

степную глупь ушли, редко, когда свой нос у границы показывают, но и русским князьям он воды не дает, словно подручных держит. Все князья теперь по своим городам тихо сидят, а дружинники их на члпках валяются. Все смирились перед Киевским, все припились. «Улалимся и примиримся», — таково первое слово у Владимира, а слова не послушаешь, так мечом в глдит.

Участил свой шагивавольной купец. Не слышал он, как скрипнула и отворилась дверь, не заметил, как с члпком поклоном перешагнула кто-то порог его спальни.

«Заступник сирот и вдов нашла! — продолжал сквозь зубы бормотать члпч. — «Братолюбцем» и «Нищелюбцем» зовут его. Что «нищелюбец», это верно: ничлч не пус-

БОРИС ФИЛИСТИНСКИЙ

Торг в предместьи св. Мамы в Византии

Опрокинулось небо в лазурное море,
Плещет весело солнце в зеленой воде.
Караваны верблюдов бредут на просторе,
Хитрость важную скрыл Самарканд в бороде.
И на пестрых ладах — вихревич душгубках —
На царьградские мраморы выпала Русь:
Выгружает, звая, закованный груз —
Крепкогрудых рабынь, чудь в цветных полушубках.

И янтарные соты лесных промыслов,
Меховые одежды, звериный улов
И косится на папки таможи Царьграда,
Белый камень дворцов, изумруд винограда.

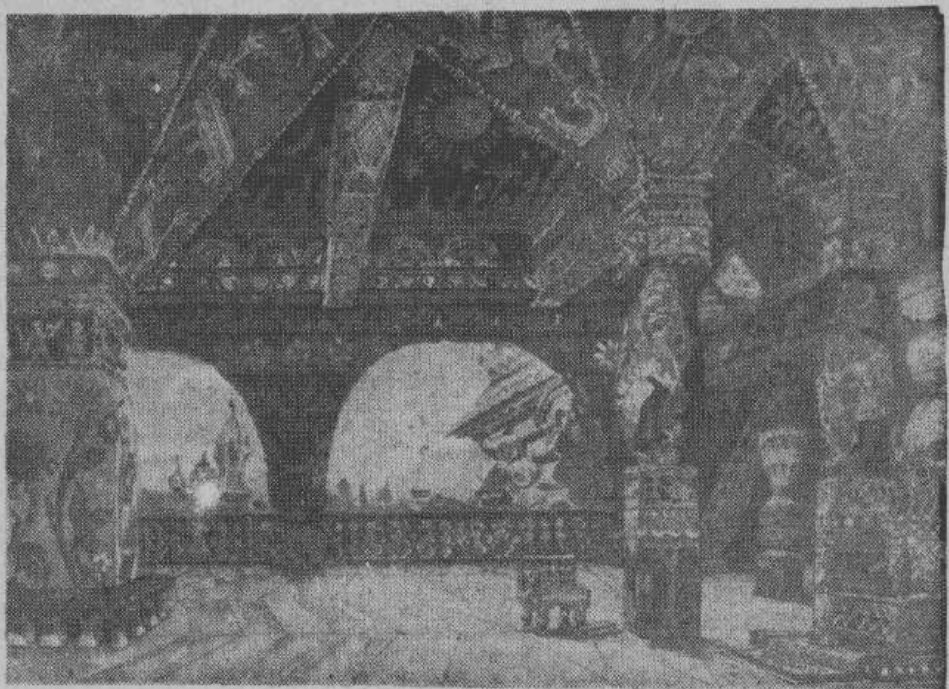
Оживает пустыня предместьи Мамы.
Огневые шелка расстладет Китай,
Трубят в страшные горы тибетские ламы
И коврами Ирана завешан сарай.

И грудастые девки в холщевых паневах,
Как коровы, глядят покупателям в рот,
И скуластый и мускульный челяди сброд
Истомленно лежит в проржавевых оковех

А суровая Русь умоляет богов:
— Помогите продать весь холопий улов!
— Позолотим седые усы в Сварога,
— Девку лучшую в жены зарежем для бога!

И кипит в солнцеласках пестреющий рынок.
Посреди вина и хлеба, скота и рабов
Раздается роптанье саксонских волюнок
И славянских напевов томительный зов.

А по рынку толкаются греки — собаки, —
Шиплют мускулы, груди рабов и рабынь,
И расцветку коров, и добротность простынь
Оухают, торгуясь до крика и драки...

Эскиз декорации к «Снегурочке» В. М. Васнецов.

он трижды махнул в воздухе горшей головней и облегченно вздохнул когда заметил вдали ответное мигание.

И часу не прошло, как по всей стоянке раздались вдруг дикие крики. Со всех сторон завали нежданные половцы, из-то оссыпая стоянку стрелами. Повскакали с проносясь люди и в страхе беспомощно заматываясь, забегали. А половецкой вой у в середине слышится. Луки брошены. Заработали копья и мечи, началась ружпашная. Крики и стоны, приказания и вопли. Стук оружия, беготня. Кто у берега ляди отпихивает, товары спасает, кто к берегу в реку бросился, кто к зеленому шагу спешит с оружием, а кто и на месте лежать остался, чтобы не встать никогда. И все же купцы быстро наладили порядок, прекратили суматоху, слепую беготню. Только у одного Залешанина добрались до товаров полчища и радостно кричали, забрав доставшуюся им добычу. Однако, радостные крики сменились вскоре отчаянными воплями. Отовсюду окружили грабителей появившиеся, откудали дружинники, быстро прижали удевших к берегу и взяли в плен.

Равным утром обойден был бурливый порог. Вновь движется к северу в стройном порядке торговый караван. В альбй ляде связанный веревками лежал ничком Залешанин...

Полон народу широкий двор Черниговского князя. Редко когда столько собралось. А сколько шумного говора, возмущенных криков и злобой ругани. Многих задела, видно, воровская затея Залешанина. А сам он уже четвертый день лежит скрывающийся в глубоком темном погребе. Знает он, что не будет ему пощады, что сегодня выдаст его князь головой, когда начнет «оправдывать людей», разбирать дела и случаи.

В богатом наряде, разукрашенном золотым шитьем и драгоценными камнями, вышел князь на крыльцо, окруженный своими старшими дружинниками. Перед ним ел стоял на ногах понурый и бледный Залешанин, около которого сгрудились все его земнодавцы со своими свидетелями — «видоками» или «послухами». Согласно показывали истцы и их свидетели, сколько задолжал каждому обвиняемый, подходят затем к кресту и подтверждают свои слова крестным целованием. Дает свои показания и Добрыня. Рассказывает о том, как उसля его Залешанин к одному знакомому половецкому князьку, чтобы подбить на внезапное нападение, а всю добычу пополам разделить. Позарился половецкий князек на дхую добычу, согласился, и быть бы черниговским купцам ограбленными, да выдал Добрыня своего хозяина, предупредил караван о готовящемся нападении. Как приказчик-холоп не мог Добрынка принимать присяги князь

его слова только выслушал. Да и так дело было ясно. Чтобы поправить себя дела, купец явное ограбление задумал. Удайся ему замысел, так расстроил бы он свою долгу, сказал бы на суде, что не исправился в платеже не по своей вине, на то-де была воля Божия. А закон в таких случаях, давал отсрочку, которой и так уже Залешанин в своих неудачных делах часто пользовался. Вместе с отсрочкой долгов разжглся бы еще купец чужим добром. Дело ясное. Княжеским приговором выдан головой Залешанин, как злобный должник: все имущество у него было отобрано, и не только сам он рабом сделан, но и жена с детьми в тяжелое рабство за долги его продана.

Многих разорил купец в былые времена. Сколько простого люда было и ему головой выдано, сколько мужей с женами и детьми им за Волгу отправлено. Теперь придется и самому испытать из горькой чаши рабской участи. Самому испытать то, что говорил киевский летописец о русских «длинниках»: «Много идет от рода крестянского, идут печальные, в мучениях, члпена от служби, теряя голод и жажду, с похудевшими от горьких лишами, с почерневшими телами; идут по неизвестной стране, босые, ноги их окровавлены тернием; со слезами глмчат друг другу: «Я из такого-то города, я из такой, то веси (села)».

В старину, как видите, человека, действительно, головой выдавали. Ведь с рабом, что хочешь делай: искалечь или голову с него снять, ни перед кем в ответе не будешь. Раб — полная собственность своего хозяина. Однако, «выдача головой» все же смягчалась со временем. «Выданный» стал работать на земнодавца и лишь до тех пор, пока не покрывал своего долга. В московские времена «выданный головой» боярин должен был только униженно просить прощения у обиженного им, низко кланяться и редко когда лежать ничком на земле. А теперь «выдать головой», значит, прчсто подвести кого-нибудь. Но все же были времена, когда даже и «брат брату шел головой в уплату».

В старину, как видите, человека, действительно, головой выдавали. Ведь с рабом, что хочешь делай: искалечь или голову с него снять, ни перед кем в ответе не будешь. Раб — полная собственность своего хозяина. Однако, «выдача головой» все же смягчалась со временем. «Выданный» стал работать на земнодавца и лишь до тех пор, пока не покрывал своего долга. В московские времена «выданный головой» боярин должен был только униженно просить прощения у обиженного им, низко кланяться и редко когда лежать ничком на земле. А теперь «выдать головой», значит, прчсто подвести кого-нибудь. Но все же были времена, когда даже и «брат брату шел головой в уплату».

Исторические анекдоты

Рассказы из жизни Петра Великого

Во время шведской войны в Петербурге, для большей осторожности зимой через Неву ставились рогатки с Выборгской к Московской стороне. По концам их размещались часовые, получавшие приказание никого не пропускать после вечерней зари ни в Петербург, ни из Петербурга.

Однажды Петр Великий был в театре на Литейной, недалеко от дома кумы его генеральши Натасьи Васильевны Бобрининой-Пушкиной. Последняя тоже была в театре и просила государя приехать к ней после представления на вечернику. Государь согласился.

По окончании спектакля Петр незаметно вышел из театра и с одним денщиком в маленьких санках поехал со стороны Охты к упомянутой хозяйке. Сказавшись часовому (стоявшему от Московской стороны, близ Литейного двора) петербургским купцом, заповздавшим на Охте, он просил пропустить его через рогатку.
— Не велено пропускать, поезжай назад, — сказал часовой.
Государь дает ему рубль, два и больше,

до десяти рублей. Но часовой упорно отбивает приказ, угрожая даже стрельбой, чтобы вызвать патруль и отправить назойливого купца на гауптвахту, как шпиона.

Тогда государь поехал к часовому, стоявшему на Выборгской стороне, и тоже просил пропустить его через рогатку, выдавая себя, как и раньше, за купца. Этот часовой оказался сговорчивее и пропустил Петра за два рубля. На другой день состоялся приказ по полку: «Часового, пропустившего проезжих через рогатку, как изменника повесить и, проверта два оные рубля, навязать ему на шею; а другого часового произвест в каравлы и пожаловать десятью рублями, которые предлагались ему накануне».

Крюков канал

Петр I, как известно, был большим любителем и покровителем наук и искусства. За счет государства и на его личные средства в Европу отправлялись молодые люди учиться.

Один из них, Никитин, отличил славный копил со многих картин итальянских, испанских и голландских мастеров, привез свои

работы в Петербург, надеясь продать картины за хорошую цену.

Государь, посещавший всех мастеров, зашел и к Никитину, где к своему великому огорчению узнал, что молодой талантливый художник бедствует, ибо за картины давали цену, некупавшую даже красок.

Государь приказал Никитину принести картины во дворец, пригласил туда некоторых своих вельмож и подрядчиков.

Был устроен аукцион. Проводил его Балакрев.

Первые три картины были проданы за бесценку. Четвертую купил сам государь за 300 рублей.

Стала продаваться пятая картина. Петр сказал, что эту картину должен купить тот кто наиболее ему предан и его любит.

Скоро картина дошла до 500 рублей.
— Восемьсот! — пересулил Апраксин.
— Две! — закричал Меньшиков.
— Две с половиной — по моей бедности и преданности, — вмешался Балакрев.
— Три тысячи! — покрыл их всех по рядчик Крюков. Петр дал знак и Балакрев прокричал: раз, два, три!

СЕМЬ СЕМИОНОВ